

ЕКАТЕРИНА ОСТРОВСКАЯ

МЕРТВАЯ ЖЕНА
И ДРУГИЕ НЕПРИЯТНОСТИ

МОСКВА 2022

Татьяна Устинова

СВОБОДА ОТ УСЛОВНОСТЕЙ

Екатерина Островская продолжает радовать читателей — и вас, и меня! — удивительными и загадочными детективными историями.

Нет, нет, не жизненными, не надейтесь даже! Наоборот, фантастическими, необыкновенными, невероятными! Я вообще никогда не понимаю, почему детектив должен быть «жизненным», ничего он не должен! Кто вообще придумал, что детективы должны отражать реальность?!

Они — детективы и их авторы — должны развлекать читателей, помогать развеяться, выбросить из головы наскучившую, утомительную серость повседневности. С моей точки зрения, хороши истории захватывающие, легкие, летящие. Позволяющие полностью погрузиться в придуманную автором реальность.

Как у Екатерины Островской.

Она с легкостью и бесконечным, осязаемым и нами, читателями, удовольствием создает миры, в которых возможно все то, чего нам так не хватает здесь и сейчас: приключений, миллиардных состояний, влюбленностей, бере-

менностей — да, да! — молниеносных потерь и обретений, погонь, перестрелок. Той жизни, о которой удастся помечтать, когда открываешь ее новую книгу.

«Мертвая жена и другие неприятности» как раз из таких произведений.

А еще мне нравится, что ее герои — интересные, честные и, безусловно, думающие люди. Сейчас это большая редкость. Главный герой не с пушкой за ремнем — символом чрезвычайной крутости и мужской брутальности, — а со светлой головой и трезвым взглядом на происходящее. Сила героев Екатерины Островской в их способности думать и принимать серьезные решения.

Наконец-то был написан детектив, где главное действующее лицо — не расчетливый убийца, не наркоманящая телезвезда и не озлобленный на весь мир золотоискатель — бывший оперативник, а кандидат наук, доцент Санкт-Петербургского университета!

Новое время требует новых героев, и мне это нравится!

Ну и, конечно, мне нравится, как развивается сюжет. Неизвестный труп, который главный герой почему-то опознал как свою жену, старый друг — бывший спецназовец, помогающий в расследовании, история нескольких злодеяний — все это нешуточно затягивает и интригует. Когда до последней минуты ничего не понятно, когда с каждой новой страницей осознаешь, что герой — уже успевший понравиться тебе человек — все больше впутывается в то, во

что запрещено. Это и страшно, и увлекательно, и волнующе одновременно.

Мне нравится, что в «Мертвой жене и других неприятностях» добро побеждает (впрочем, как и всегда) и что влюбленные, в конце концов, обретают друг друга, а это ведь самое главное, правда? А еще эта книга хороша тем, что вселяет уверенность: есть еще и настоящая дружба, и любовь до гробовой доски, и возможность заработать миллиард.

Все это близко. Главное — поверить.

Екатерина Островская свободна от условностей — и в этом ее сила.

Совсем недавно моя племянница в своем сочинении на тему выбора будущей профессии написала очень запомнившуюся мне фразу: «Я предпочла реальности фантазию. Наверное, поэтому я мечтаю снимать кино». Теперь я поняла: Островская пишет — как будто бы снимает кино. Безумное, захватывающее, странное, фантастическое и очень детективное.

Весной у меня день рождения. Замечательный и талантливый писатель Екатерина Островская подарила мне — и всем своим читателям — эту великолепную книгу. О лучшем подарке и мечтать нельзя!

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Глава 1

Валерий Борисович открыл дверь и заглянул в приемную декана. Сидящая за секретарским столом Юлия продолжала смотреть на монитор, не обращая внимания на просунутую в щель голову посетителя. Ладейников хотел уже было потихоньку исчезнуть, но секретарша, все так же не оборачиваясь, крикнула:

— Ну, что вы там встали? Проходите! Декан ждет.

Валерий Борисович вошел в приемную, покосился на дверь кабинета главы факультета, украшенную табличкой, и вздохнул.

— Страшно? — равнодушно произнесла секретарша. — Раньше надо было думать.

О чем надо было думать раньше, Ладейников не знал, а переспрашивать у девушки, увлеченной раскладыванием пасьянса, не решился. Снова посмотрел на табличку, на которой значилось:

«Декан экономического факультета,

доктор экономических наук,

профессор

Николай Михайлович

Храпычев»

— Заходите же! — приказала секретарша. — И так на полчаса опоздали.

Ладейников открыл створку. Декан, откинувшись на кожаную спинку широкого кресла, прижимал к уху телефонную трубку:

— Нет, нет. Рад бы помочь, но лично я восстановлением не занимаюсь, все через ректорат... Если там удастся договориться, тогда можете приходить на факультет, однако не ко мне, а к методисту по ведению учебного процесса, который и занимается восстановлением...

Декан поднял голову, увидел Ладейникова и приглашающе махнул рукой. Валерий Борисович вздохнул еще раз и вошел. Остановился возле стола для заседаний, а потом, заметив рядом с собой выдвинутый стул, опустился на него.

— И отца попросите не звонить мне больше по этому вопросу, — сказал декан, заканчивая телефонный разговор.

Еще не положив трубку на рычаг аппарата, он тут же потянулся к другому.

— И вот так постоянно, — произнес Николай Михайлович устало и раздраженно. — Отчисляем кого-то за нерадивость, потом начинается... Ладно бы сами студенты трезвонили, а то ведь родителей подключают, знакомых. У этого разгильдяя папаша в канцелярии вице-губернатора служит. Ну и что с того? Устал я от всего. И без того дел по горло.

Храпычев посмотрел в окно, потом на трубку в своей руке. Подумав немного, положил ее на место. Снова глянул в окно, за которым летали первые редкие снежинки, и вспомнил о Валерии Борисовиче:

— А теперь с тобой. Ты понял, зачем я тебя вызвал?

Ладейников потряс головой, не догадываясь. Его можно было вызвать по целому ряду причин. Может быть, из-за того, что он написал заявление с просьбой о переносе даты защиты докторской еще на полтора месяца.

Храпычев откинулся на спинку кожаного кресла.

— Все, Валера. Увольняют тебя.

— За что? — удивился Ладейников. — И почему в начале года?

— Это не мое решение. Я тебя и так по старой дружбе прикрывал сколько мог. В университете ты пьяным появлялся?

— Никогда!

— Мне-то не ври. Выхлоп был? Был. Потом еще романы со студентками...

— С какими? С одной только аспиранткой. Так я женился на ней, ты же сам свидетелем у меня на свадьбе был.

Открылась дверь, и в кабинет вошла секретарша. Она улыбнулась декану, а на Ладейникова покосилась так, словно тот лишний здесь.

— Юлечка, попозже, — сказал декан.

Секретарша двинулась назад. Она еще не вышла, а Храпычев, наклонившись над столом, понизил голос:

— К тому же, Валера, ты студентам пишешь курсовики и дипломы.

— Что за бред?

— Да, да. Не изображай удивление. Студентка второго курса Хакимова подписала заявле-

ние и указала в нем, что ты предложил ей свое покровительство в обмен на...

Николай Михайлович поднял глаза и увидел застывшую в дверях улыбающуюся Юлю.

— Я только хотела напомнить, что в час со-
вещание у ректора, — сказала секретарша.

Храпычев кивнул, показывая, что он прекра-
сно помнит обо всем. Девушка с достоинством
удалилась, притворив за собой дверь осторожно
и — неплотно.

— Хакимова не ходила на лекции и семина-
ры, — начал объяснять Ладейников. — Я только
сказал ей, что с таким отношением к выбран-
ной специальности она никогда не сдаст мне
экзамен.

— Ну, вот видишь... Что тут отрицать? Коро-
че, приказ об увольнении ректором уже подпи-
сан. Получи обходной листок и...

Валерий Борисович поднялся, пересек каби-
нет и закрыл дверь. То, что сейчас сказал декан,
не умещалось в его голове: почему вдруг сразу
увольняют? И почему об этом так спокойно го-
ворит декан — человек, с которым они пять лет
проучились на одном курсе, в одной группе...
Да что там — человек, с которым столько лет
дружили!

Ладейников посмотрел на Храпычева и понял:
тот менее всего расположен сейчас вспоминать
далекое прошлое. И все же Валерий Борисович
попытался использовать последний аргумент:

— Коля, а кто мой курс возьмет?

Храпычев вздохнул, опять бросил взгляд на
снежинки за окном, потом начал листать лежа-
щий на столе ежедневник. И наконец кивнул.

— Согласен, некому его взять. Значит, придется мне лично, хотя не представляю, как совместить, времени совсем нет. Но, в конце концов, моя докторская как раз касалась экономического обоснования бизнес-проектов...

Ладейников обернулся на плотно прикрытую дверь, шагнул к столу и перешел на шепот:

— Ну, только мы с тобой знаем, кто писал за тебя диссертацию.

— Это что, шантаж? — возмутился декан, однако тоже шепотом. — Да, ты помог мне немного, но речь сейчас не об этом... И потом, не я принимал решение об увольнении.

— А где я работу сейчас найду?

Николай Михайлович поднялся и застегнул пуговицу на пиджаке.

— Все, Валера. Извини, я очень занят.

Возле кафедры экономического планирования Ладейникова караулил профессор Бродский.

— Добрый день, Валерий Борисович. Мне тут навязали оппонировать на защите кандидатской. Не могли бы вы уделить мне часок-другой? Посмотрели бы текст...

Валерий Борисович молча покачал головой и взялся за ручку двери. Но Бродский ухватил его за рукав.

— Может, завтра?

— Не знаю. Меня сегодня уволили, — ответил Ладейников и вошел на кафедру. Но на пороге обернулся: — Счастливо оставаться.

— Как так? — удивился Бродский. Затем спросил уже у закрытой двери: — За что?

Профессор увидел заместителя декана по учебной работе Бабелюк, куда-то спешащую, и попытался остановить ее:

— Бэлла Аркадьевна, вы слышали: Ладейникова уволили!

Ученая дама чуть сбросила темп и ответила на ходу, нисколько не удивленная известием:

— Вот и поделом. Вы что, не знаете, что Ладейников — запойный пьяница?

Бабелюк поспешила дальше, но остановилась, вспомнив самый большой грех уволенного доцента. Оглянулась и зло бросила:

— Еще и бабник к тому же.

А потом побежала по коридору с удвоенной скоростью, чтобы компенсировать время, потерянное на короткую дискуссию.

— Да что вы говорите? — удивился профессор Бродский. — Кто бы мог подумать! А ведь столько лет притворялся порядочным человеком...

Если бы Валерий Борисович знал, что о нем думают некоторые коллеги, он бы тоже удивился. Пьяницей он не был, хотя в последнее время по вечерам частенько захаживал в одно не очень чистое заведение по соседству со своим домом. В заведении он общался с приятелями и выпивал пару кружек пива. Иногда больше. А потом возвращался домой. Всегда один. И дома его никто не ждал. Может, он и не отказался бы стать чуть-чуть бабником, но женщины отнимают слишком много времени. Так что пиво было единственной слабостью, которую Ладейников мог себе позволить. Да еще на праздничных вечеринках профессорско-преподавательского состава он вместе со всеми выпивал немного

шампанского или коньяка. Совсем чуть-чуть. Последнее — по двум причинам сразу: во-первых, потому что не любил напиваться, а во-вторых, потому что его все время выхватывала из-за стола Бабелюк и тащила танцевать.

— Экая вы неугомонная, Бэлла Аркадьевна, — говорил ей Ладейников.

— Да, я такая, — шептала ему в ухо заместитель декана. — Вы еще меня не знаете! Проводите же меня сегодня домой, я приказываю...

Однажды он согласился. Причем отнюдь не потому, что хотел узнать о неугомонности Бэллы Аркадьевны как можно больше. Просто ему показалось, что Бабелюк сама не доберется. Он поймал такси, довез замдекана до дома на окраине города в новостройках, вытащил из машины и попросил таксиста подождать немного. Сделал только одну ошибку — заплатил вперед. Потом довел Бэллу Аркадьевну до лифта, поднял на восьмой этаж и долго выяснял, где дверь ее квартиры. Пришлось разбудить соседей. От них Валерий Борисович узнал не только номер квартиры, но и много чего еще о Бэлле Аркадьевне. Затем он нашел в сумочке Бабелюк ключ, открыл дверь и пожелал засыпающей на ходу коллеге спокойной ночи.

Но та вдруг очнулась и, оказавшись совершенно трезвой, стала требовать осмотреть ее квартиру. Когда Ладейников все же начал спускаться по лестнице, Бабелюк плюнула в него, хотела ударить ногой, но промахнулась и упала. В результате сломала ногу и затем пару месяцев ходила в гипсе, что не помешало ей в дальнейшем носиться по факультету со скоростью «Невского экспресса».

После второй пары Валерий Борисович вышел на улицу. Стоял и курил.

Мимо пробежали студенты, проходили сотрудники и преподаватели факультета. Пролетел мимо профессор Бродский, который на всякий случай, пока никто не видит, поздоровался с Ладейниковым еще раз. Пронеслась на всех парах Бабелюк, прошел доцент кафедры политической экономии Крышкин, известный тем, что десять лет назад, выступая на ученой конференции с докладом о необходимости введения продовольственных пластиковых карточек, заявил, что Адама Смита не существовало вовсе. Мол, это литературный персонаж, и его выдумал Пушкин в «Евгении Онегине», чтобы срифмовать со словом «Феокрита». Были бурные овации... Потом Ладейникову кивнул профессор Амбре-Мелидзе, который еще совсем недавно представлялся всем знакомым главным консультантом президентской комиссии по финансовому мониторингу, а незнакомым — членом-корреспондентом Королевской экономической академии в Лондоне. Потом от него ушла жена, и Амбре-Мелидзе позабыл о своих амбициях. Жена, кстати, ушла к владельцу парикмахерской для собак. Прошли доцент Скрипкин и профессор Шпунтиков, громко обсуждающие какой-то фильм, пробежал к своему «БМВ» доцент Пинтусевич, возглавлявший сгоревший недавно банк «Динамо-инвест», проплыла старший преподаватель Юшкина, прозванная радисткой Кэт за то, что в годы своего студенчества она являлась на все экзамены с чемоданом в руках и с диванной подушкой

под обтягивающим платьем. На госэкзамен она пришла и в самом деле беременной — по слухам, от Амбре-Мелидзе.

Ладейников курил уже третью сигарету подряд. И думал, что уже почти тринадцать лет, не считая студенческие и аспирантские годы, он выходил сюда в обеденный перерыв и вот так стоял, покуривая сигаретку за сигареткой, потом возвращался в факультетский буфет, брал чашку кофе и круассан. А теперь мимо пробегают люди, на которых он смотрел все эти годы и которых никогда больше не увидит, если, конечно, не встретит где-нибудь в общественном транспорте.

В пяти шагах от Валерия Борисовича курила нерадивая студентка Хакимова. Ей не стоялось на месте, потому что в ушах у нее виднелись наушники плеера, а рядом, обнимая ее, топтались двое молодых людей с не очень свежими лицами. К Хакимовой подошла студентка Ермакова, известная своей патологической тупостью, а также тем, что она на интернет-форуме факультета обсуждала, во что одеваются преподаватели, и давала советы, какой галстук с какой рубашкой надо носить, какой должна быть длина юбки у доцента и глубина декольте у старшего преподавателя.

Ермакова притормозила возле Хакимовой и тоже начала пританцовывать. Но у нее это получалось плохо. Потом один из ухажеров Хакимовой попросил у нее двести рублей. Ермакова, поправив вязаную шапочку, сделала вид, что у нее тоже плеер. Парни ей не поверили и обозвали не вполне приличным словом.

Ладейников вытащил из пачки очередную сигарету, и тут из дверей вышел Храпычев.